

Художник Олег Кулик ДАЕТ ЦЕННЫЙ МАТЕРИАЛ О ТОМ, КАК ДЕЛАЕТСЯ ИСКУССТВО СЕГОДНЯ

«Анна Курникова» — первая инсталляция замысленного Олегом Куликом музея «сильных и красивых женщин»

СОБАКИ ПРИЗНАЛИ ХУДОЖНИКА

ПОСЛЕДНЕЕ ТАБУ

ЗНАКИ ВРЕМЕНИ

Виктор ЕРОФЕЕВ

Современный художник — хитрый зверь. Он состоит из двух половинок. Он — волк и овца, агрессор и жертва, преступник и сама невинность, извращенец и девственник. Он — неуловимая игра противоположных начал. Казалось бы, так было всегда, и разница между старым мастером и нынешним художником не так существенна, как хотелось бы новому авангарду. Но речь идет не о природе творчества, а о сознательной творческой стратегии. Книга бесед Дмитрия Бавильского с одним из наиболее ярких художников современности Олегом Куликом (М., «Ad Marginem») дает ценный материал о том, как делается искусство сегодня.

Название книги — «Скотомизация» — скорее, игра в слова, нежели обозначение содержания. Но формальный привкус животного начала в нем не случаен. Кулик прежде всего известен как автор смелого художественного проекта «Собака» — метафоры собачьей жизни всего живого на свете. Жалкая и кусачая, цепью на шее, эта собака в образе самого Кулика обегала и обладала несколькими международными выставками, московских улиц и прочих общественных пространств и запомнилась, помимо бытового скандала, жертвенностью художника и его экстремальной работой с собственным телом. Кулик пробил брешь в стене высокомерного московского концептуализма, считавшего себя последним словом искусства. Собачьим образом, состоящим из живой плоти, он в один миг обратился к концептуалистам в старомодных отцов, сухо смеявшихся над языковой падающей стародавней системы социализма. Ему захотелось, чтобы искусство было понятным, доступным, успешным.

То, что он сам себя, судя по книге, не считает художником, понятно, ибо какой художник не мечтал вывалиться из старой культуры? Обычно в таких случаях культура охотно через какое-то время подбирает блудного художника и засовывала его в музей. Но когда сама культура растерялась и распредметилась, она отказалась от своей привычной функции, оставив художника, не желающего быть художником, наедине с самим собой и его социальным контекстом. Возможно, с культурой действительно творится что-то неладное, и нынешнее ее состояние выглядит не как очередной кризис, порождает новое состояние, а как агония, последовавшая через сотню лет за констатацией смерти Бога.

/// КУЛЬТУРА ПРИВЫКЛА ЖИТЬ В СОПРОТИВЛЕНИИ, НО ОНА ЕЩЕ НИКОГДА НЕ ПОДВЕРГАЛАСЯ ТАКОМУ НАСИЛИЮ МАССОВОЙ ФИЛОСОФИИ УДОВОЛЬСТВИЯ ///

Культуру нещадно били в XX веке не столько даже тоталитарные системы, сколько обаятельные «модернизмы» и идиотски-демократические представления о ней как об удовольствии и развлечении. Культура привыкла жить в сопротивлении, включая постмодернизм, но она, пожалуй, еще никогда не подвергалась такому насилию со стороны массовой философии удовольствия.

Еще только вчера, несмотря на все уроки провокации, которые преподало современное искусство, критерии, отличающие настоящего художника от посредственности, были осмысленными. Сорочкин мог кому-то не нравиться, но сказать, что он плохо пишет — значит, просто не обладать элементар-

ной художественной интуицией. Кабаков остался последним великим художником, который использовал метафоры метафизики, рассуждая о коммунальном быте. Я уже не говорю о Бродском — мамонте классического стихосложения.

Отныне культура ушла в стиль жизни от-кутюр, босоножки Прада. Ирония кончилась. И что же? Олег Кулик как подопытная свинка — бесценная вещь. Его систему

страстно, любви цинично, любви животной, любви преданно — только любви. Муки и сладость любви — вот «голубое сало» нового варвара-опрошенца. А секс как тема уходит в прошлое. Никаких табу. Все запротоколировано. Лучшее всего стать сексуальным Кандидом, измерить свой член — и начать все сначала.

Еще отец отечественного концептуализма Андрей Монастырский находил суть искусства в раме. Есть рама —

Олег Кулик

любви и ненависти к предметам прошлого искусства, рассуждения о жесте и характере сегодняшнего творчества можно считать уже новым учебником по savoir vivre.

Во-первых, надо бороться с оставшимися табу. Эти табу не имеют содержательного значения, они сохранились лишь в качестве стереотипов. Кулик многократно упоминает Льва Толстого. Теперь это можно и даже не стыдно. Нужно опроститься. Правда, в России и так уже все опростилось, до хамства, но нужно еще опроститься, уехать на пару лет в деревню, понюхать запах свежей земли. Самые забавные страницы книги — не об искусстве, а о нашей армии. Кулик там служил мишенью для побоев и халтурщиком-скульптором, лепившим Ленина. Он действительно прошел через опрощение.

Во-вторых, надо разобраться с любовью. Здесь, на этой ниве, уже не существует никаких табу. Мировая культура описала любовь во всех видах — за это ей спасибо. Но тайна любви все равно не раскрыта. Если хочешь быть художником — люби! Люби

есть искусство. Есть полицейские, охраняющие эту раму, — значит, по Борису Гройсу, с искусством все в порядке. Гитлер потому не был художником, перевернувшим мир войной, рассуждает Кулик, что у него не было рамы. Но тут же в книге Коперник объявляется художником, совершившим астрономический переворот. Значит, как говорил Шестов, остается одно — произвол. Чем Коперник лучше Гитлера в качестве художника? Ничем. Тогда возникает новая модная тема: искусство как преступление. Сам Кулик-собака совершал только мелкие хулиганские поступки; они кончились наездом на него вегетарианской швейцарской полиции, декларацией Лужкова о недопущении голых людей в московские улицы и стокгольмским воззванием кураторов и художников, протестовавших против того, что Кулик покусал посетителя выставки. Все это, вместе взятое, сделало его знаменитым. И не зря. Кулик хорошо чувствует фактуру мира, он чудесный выдумщик и к тому же косит под юридического.

Но тема искусства как преступления на этом только начинается. Если мелкого хулиганства не хватает для славы, что тогда? 11 сентября в Нью-Йорке — картина художника Бен Ладена? Кулик любит животных и даже организовал в России Партию животных на манер фермы животных Оруэлла, а кто-то не любит американцев, и Кулик тогда — только цветочки. Почему он не идет до конца в теме искусства как преступления? Не потому только, что он стыдливый (или не стыдливый) гуманист, а потому, что это не входит в его жизненную стратегию.

Наиболее радикальный русский художник в своей книге больше всего гордится своим буржуазным успехом. Мальчик из провинции выбился в люди, и теперь он обедает в обществе главного редактора «Фигаро». Да этот редактор на фоне мировой жизни — ничто по сравнению с тобой, Олег, но ты еще и еще рассказываешь о своих светских победах и арт-журналах, пишущих о тебе. Так где опрощение и где успех? Художник должен быть противоречивым. Он обяза-

тельно должен быть противоречивым, но тем не менее он мог бы и связывать концы с концами. Буржуазный мир полон табу, но когда он сам по себе табу — так хочется в него влезть, что забываешь о борьбе. А если Кулик как кумир продвинутой молодежи, авторитет среди молодых художников, герой — любовник юных красавиц попался на обыкновенном тщеславии, то что значат его оценки коллег и кураторов, Путина и Брежнева? Все так красиво, по-толстовски смешалось: если быть — ты жертва, если быть — ты агрессор. Поставь раком весь мир — и ты победишь.

Хорошая, откровенная книга. Если вчитаться в нее, то есть еще одно табу, с которым пока никак не справится цивилизация. И Кулик только подступает к нему, но не справляется. Роль и значение говна в человеческой жизни, его вонь и стыд публично какающих людей — это раскрыто только отчасти, не до конца. Найдется новый художник, для которого Кулик будет мягкотелым отцом. Он сорвет маску и с этого последнего табу.

ИД «МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ» ОБЪЯВЛЯЕТ ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС НА ЗАМЕЩЕНИЕ ДОЛЖНОСТИ ГЛАВНОГО ХУДОЖНИКА

требования к кандидату:

высшее художественное образование, опыт работы в газетах или журналах от трех лет, наличие портфолио, гражданство РФ, регистрация — Москва, МО

РЕЗЮМЕ ПРИСЫЛАТЬ НА E-MAIL: INFO@MN.RU